

Кавказ и Ближний Восток в раннебронзовом веке

В продолжение темы, рассмотренной в [статье А.А.Касьяна](#) с лингвистических позиций, и с разрешения автора перепечатываем статью археолога, к.и.н. Надежды Алексеевны Николаевой, доцента Московского государственного областного университета. Статья была опубликована в 2013 г. в журнале Восток (Oriens) № 2, С.107-113

Н.А.Николаева

В статье рассматривается проблема миграций в регионе от Кавказа до Месопотамии в раннебронзовом веке. Уточняется хронология царской гробницы в Арслантепе как пункта индоевропейских миграций от Северного Кавказа до Северной Месопотамии, датируемая автором эпохой Нарамсуэна (XXIII в. до н.э.). Оспаривается отнесение этой гробницы к Позднему Уруку на основании калиброванной даты са. 3000 до н.э. Показаны новые линии синхронизации, уточняющие дату гробницы. Данные лингвистики и археологии указывают на присутствие в это время на Кавказе протохеттов и древнеевропейцев, которые могут быть соотнесены с мигрантами.

Контакты населения Кавказа, Малой Азии и Северной Месопотамии на протяжении раннебронзового века носили разновекторный характер. Экспансия Урука на север оставила следы в памятниках Восточной Анатолии (Арслантепе VII, VIA), в Закавказье (Сиони-Цопи, Бериклдееби, лейлатепинская культура), на Северном Кавказе (так называемые майкопские поселения с калиброванными датами в 4 тыс. до н.э. [Корневский 2004; Корневский, 2008]).

Следующей стала миграция носителей хирбет-керакской культуры из СевероЗападной Сирии в Анатолию (Арслантепе VI B1), в Закавказье (куро-аракская культура [Мунчаев, 1994(1)]), на Северный Кавказ (куро-аракские памятники [Ростунов, 1986]).

Появление эпонимного памятника Большой Майкопский курган на Северо-Западном Кавказе было связано с третьей миграцией, с приходом населения из области ARAM1 около Харрана в эпоху северных походов Нарамсуэна [Сафронов, 1982; Николаева, 1982; Николаева, Сафронов, 1982; Сафронов, 1989; Сафронов, Николаева, 2003].

Предметом данной статьи является четвертая миграция, маркированная памятниками раннебронзового века Северного Кавказа, Закавказья, Восточной Анатолии, Северной Месопотамии с листовидными копьями и черенковым насадом, которые всегда традиционно датировались Раннединастическим III (далее – РД) – Аккадским периодом, а в абсолютных датах XXV–XXII вв. до н.э. Но в связи с исследованием памятника Арслантепе (Малатья, Восточная Анатолия) время появления подобных копий было удревнено благодаря полученной для них калиброванной даты са. 3000 г. до н.э. В системе относительной хронологии памятников Месопотамии эти копьа были отнесены к Позднему Уруку [Frangipane, Palmieri, 1983(1), p. 287–454; Frangipane and al., 2001, p. 105, 132], в котором ранее таких копий не находили. Утверждение, что подобные копьа появились в Позднем Уруке, возникло из-за знака равенства, ошибочно поставленного между калиброванной датой гробницы с копьями в Арслантепе и некалиброванной датой позднего Урука (3200–2900 гг. до н.э.).

Дата рассматриваемых копий, са. 3000 до н.э., является одной из опорных дат для новосвободненских памятников, где найдены подобные копьа, и используется в качестве дополнительного аргумента в удревнении вплоть до начала 4-го тыс. до н.э. памятников раннебронзового века Кавказа [Корневский, 2004, с. 123; Корневский, 2008, с. 98; Трифионов, 1996, с. 43–49; Rezerkin, 2000]. Однако надежность соотнесения даты листовидных копий с насадом в Арслантепе с Поздним Уруком, как и датирования в пределах 4-го тыс. до н.э. майкопских и новосвободненских памятников, может быть оспорена.

Первая находка листовидных копий с черенковым насадом в Арслантепе в составе клада, состоящего из 12 копий и кинжалов, в помещении А 113, относится авторами раскопок к слою Арслантепе VIA. Надежность отнесения клада к этому горизонту сомнительна, поскольку клад представляет собой изолированную находку, не связанную ни с другими частями здания, ни с другими предметами из комплекса Позднего Урука. Если же этот клад – впускное захоронение, то неясно, с какого слоя оно впущено и как оказалось в помещении А 113 слоя Арслантепе VI A.

Вторая находка подобных копий связана с так называемой Царской гробницей в Арслантепе, датируемой са. 3000 до н.э. Это выдающееся открытие всесторонне освещено в коллективной статье итальянских археологов [Frangipane and al., 2001, p. 105–139, fig. 1–27]. Отнесение даты гробницы в Арслантепе са. 3300–3000 до н.э. к Позднему Уруку и хронологическая позиция найденных в ней копий вызывают много вопросов, поэтому следует обратиться к описанию памятника [1]. Особую значимость этому памятнику придают не только аналогия копьям в находке копья из дольмена No 1 у ст. Новосвободной (рис. 1:А:1), но и присутствие в Арслантепе всего комплекса финального этапа куро-аракской культуры Южной Осетии и Имеретии [Куфтин, 1949] (рис. 1:В), синхронизируемого с дольменами Новосвободной.

Присутствие в гробнице как местной керамики, восходящей к сиро-месопотамской традиции, так и новых элементов, связанных с куро-аракской культурой раннебронзового века Закавказья (рис. 1:В), указывает, по мнению авторов раскопок, на “интенсивное взаимодействие между двумя мирами (анатолийским и закавказским. – Н.Н.) в начале 3-го тыс. до н.э., что вызвало коллапс местного (анатолийского. – Н.Н.) дворцового комплекса времени Позднего Урука” [Frangipane and al., 2001, p. 105, 113–120]. Сравнение керамических комплексов периодов Арслантепе VI A, VI B1, VI B2, проведенное М. Франжипане, свидетельствует о медленной эволюции керамических форм, представленных как местной анатолийской керамической традицией, так и куроаракской (хирбет-керакской), и поэтому керамика, найденная в комплексе с копьями, не играет роли для определения хронологической позиции копий. Никаких других датирующих предметов, кроме спорного металлокомплекса, в гробнице не обнаружено.

Вместе с тем данные стратиграфии, по моему мнению, отчетливо показывают более поздний возраст захоронения в гробнице, чем это было заявлено М. Франжипане. Так, “Царская” могила срезала платформу здания ХХХХ, относящегося к периоду Арслантепе VI A, и была заполнена слоями из более позднего горизонта VI B1. Поскольку данные прямой стратиграфии с горизонтом VI B2 утрачены, могила могла быть впущена и из верхних слоев горизонта VI C, что соответствует эпохе раннебронзового века II Анатолии (2750–2500 гг. до н.э.) и даже раннебронзового века III (2500–2000 гг. до н.э.) (даты приведены по: [Frangipane and al., 2001, p. 132]). Неопределенность данных стратиграфии ставит под сомнение возраст листовидных копий са. 3000 до н.э. В то же время некалиброванная дата гробницы – 4335 ± 65 лет до наших дней [2], т.е. ХХIV в. до н.э., полностью соответствует абсолютным датам по традиционной исторической шкале хронологии (ХХV–ХХIV вв. до н.э.), т.е. периоду РД III/Аккад, в памятниках которого отмечены находки подобных копий (Ур, Телль Асмар, Тиль Барсиб, Каркемиш, Гавра VI и др.), перечисленные в работе М. Франжипане [Frangipane and al., 2001].

Таким образом, мы оказываемся перед выбором: 1) принять калибровочные поправки к радиоуглеродной дате Арслантепе и развести на 700 лет синхронные памятники с одинаковыми копьями или 2) относить типологически тождественные копья к Раннединастическому периоду III – Аккадскому, исходя из совпадения некалиброванных радиоуглеродных дат и традиционных исторических ближневосточных дат. По мнению исследователей памятника, эти копья в Арслантепе существуют в неизменном виде в промежутке са. 3300–2900 до н.э., в интервале “Арслантепе VIA–VIB”, а этот временной промежуток соответствует хронологическому интервалу Протописьменный IVA–Джемдет Наср по периодизации Южного Двуречья [Conti, Persiani, 1993, p. 388, table 2]. Разброс собственно формы листовидных копий с черновым насадом устанавливается М. Франжипане в пределах 3000–2200 гг. до н.э. [Frangipane and al., 2001, p. 119]. Из этого следует, что почти одинаковое сходство формы копий из дольмена Новосвободной как с копьями аккадского времени, так и с копьями Арслантепе диктует и для новосвободненских экземпляров копий дату в этих же рамках.

М. Франжипане отмечает, что гробниц, подобных рассматриваемой, нет в энеолите Анатолии, к которому относятся и горизонты Арслантепе VII и VIA. Вместе с тем гробница в Арслантепе не является изолированной находкой в бронзовом веке Анатолии. Ближайшие ей аналогии находятся в ряде каменных гробниц некрополя Беречик (провинция Газьянтеп, Восточная Турция), Хасек Хююк, Каркемиш, Кара Хасан, относимых к раннебронзовому веку Анатолии [Frangipane and al., 2001, p. 115, 119, 121–122].

Гробница-дольмен из кургана No 31 в урочище “Клады” у станицы Новосвободная (Северо-Западный Кавказ), относящаяся также к раннебронзовому веку, приводится в качестве аналога конструкции гробницы в Арслантепе, причем исследовательница неправильно называет гробницу “майкопской”. Дело в том, что Майкоп и Новосвободная – эпонимные памятники двух генетически разных культур, поэтому называть дольмены Новосвободной майкопской культурой – анахронизм [Николаева, Сафронов, 1974; Сафронов, 1989]. Раскопки в Арслантепе обнаруживают аналогии гробнице в куро-аракской культуре и в курганах Восточной Грузии, что свидетельствует о возрасте гробницы, близком к рубежу III–II тыс. до н.э.

Согласно схеме М. Франжипане, государственность в восточноанатолийских центрах складывалась под сильным влиянием Позднего Урука (период Арслантепе VIA) и была прервана экспансией пастухов из Закавказья, признаком появления которых считают смену строительной традиции, когда вместо сырцовых архитектур появились хижины из плетня с обмазкой (период Арслантепе VI B1). Со временем возобладала местная традиция, выражающаяся в сырцовых постройках при сохранении закавказской куро-аракской компоненты, устойчиво присутствующей в культуре долины Верхнего Евфрата вплоть до конца Ранней Бронзы III [Frangipane and al., 2001, p. 135–136].

Я представляю картину древних событий в рассматриваемый период иначе. В конце 4-го тыс. до н.э. было две миграции из

районов Восточного Средиземноморья: первая по времени – так называемая урукская экспансия последней четверти 3-го тыс. до н.э. [Антонова, 1998, с. 138], представлявшая собой, на мой взгляд, расселение прасеверносемитов на север, в Анатолию и в Междуречье, и вторая – миграция пракартвел+хурритов(?) из Восточной Анатолии или Северо-Западной Сирии в Закавказье (эквивалент – куро-аракская / хирбет-керакская культура) [Сафронов, Николаева, 2003, с. 163–165, рис. 30–32; Николаева, 2011]. Миграция пракартвел, о которой М. Франжипане говорит как о миграции закавказских пастухов, прервала процесс формирующейся в Юго-Восточной Анатолии государственности типа “Урук–Протописьменный IVA”, что, вполне вероятно, имело место, но направление движения пракартвел (и хирбет-керакской культуры как их археологического эквивалента) проходило с юга на север, из Малой Азии и Сирии в Закавказье, а не наоборот, поскольку сирийские памятники хирбет-керакской культуры (Амук Н), непосредственно сменяющие памятники Амука F (с датой последняя четверть 4-го тыс.) древнее куро-аракской культуры Закавказья, которая датируется Раннединастическими периодами I–III. Надежно датированными комплексами куро-аракской культуры можно признать только поздние ее дериваты, поскольку там есть датирующие предметы.

Разбираемая в статье категория листовидных копий сопровождается в Закавказье комплексом, датирующимся не ранее финального периода куро-аракской культуры [3]. Ему предшествуют три этапа куро-аракской культуры в Закавказье, соответствующие Раннединастическим периодам I–III Южного Двуречья, но пик развития металлообработки приходится именно на финал куро-аракской культуры. По М. Франжипане, такие копия существуют от Позднего Урука до Аккада и, значит, по этой методике не могут быть датирующими для ранней бронзы Кавказа.

Тем не менее весь металлокомплекс Царской гробницы в Арслантепе (ножи, копия, плоские топоры, желобчатые долота, цилиндрические белые бусы, диадемы с пуансонным орнаментом) (рис. 1:III) находит убедительные аналогии в финальных куро-аракских памятниках Закавказья (тип Сачхере) (рис. 1:II), что позволяет датировать гробницу Арслантепе временем этих памятников, концом 3-го тыс. до н.э.

Другая, независимая линия синхронизации раннебронзовых памятников Закавказья и Северного Кавказа наметилась благодаря находкам в куро-аракских памятниках типа Сачхере трубчато-обушных топоров и Т-образных бронзовых булавок, отсутствующих в Арслантепе, но встречающихся в памятниках выделенной мною кубано-терской культуры на Северном Кавказе. Таким образом, поздние куро-аракские памятники синхронны и северокавказским памятникам первого и второго этапа кубано-терской культуры (далее – КТК) [Николаева, 2011, с. 205].

Импорт из одних и тех же куро-аракских центров Закавказья [4] в памятниках Северо-Западного Кавказа (Новосвободная), Центрального Северного Кавказа (Дзуарикау) позволяют объединять в

один хронологический горизонт Раннебронзового периода III курганные погребения Закавказья с подобными копиями и топорами, комплексы из новосвободненских дольменов с копиями, а также древнейшие комплексы первого и второго этапов кубано-терской культуры с топорами и булавками (рис. 1:IV). Раннебронзовый период III, таким образом, становится общим горизонтом для регионов Кавказа, Анатолии и Месопотамии, позволяя переместить комплексы с копиями в Арслантепе из Позднего Урука в Раннединастический III / Аккадский период.

Чтобы составить представление о степени влияния куро-аракской культуры (КАРК) на формирование КТК, мною были выделены памятники с куро-аракскими импортами на Северном Кавказе, рассредоточенные в комплексах КТК, и показана синхронность синкретичных памятников КТК/КАРК на Северном Кавказе в пределах общекавказского горизонта ранней бронзы (РБ) III [Николаева, 2011, с. 194–195].

Так, трубчато-обушной топор [5], по Б.А. Куфтину [Мунчаев, 1994, с. 39, рис. 12], найден в погребении второго этапа КТК [Николаева, 2011, с. 442, 469, рис. 4]. Такие топоры найдены на поселении Караз, в курганных погребениях Сачхере [Куфтин, 1949; Мунчаев, 1994(1), с. 73, рис. 12], датирующихся поздним периодом РБ III в Закавказье, а в абсолютных датах – XXII–XXI вв. до н.э. В подкурганных погребениях района Сачхере (Корети, Начеркезеви, Царцисгора) такие топоры находят в комплексе с Т-образными булавками, с двуволотными булавками, с пастовыми длиннотрубчатые бусами, с бронзовыми кольцевидными и спиралевидными подвесками, с браслетами, со штыковыми и листовидными копиями с черенковым насадом [Куфтин, 1949, табл. LIX, LX, LXV, LXVIII] [6]. Кроме Сачхере, такие предметы находят в слоях поселений Амиранис Гора, в верхних слоях Караз, в Хизанаантгора “В” и Квацхелеби “В”, т.е. в памятниках РБ III Закавказья или в абсолютных датах 2300–2000 гг. до н.э. [Мунчаев, 1994(1), с. 18]. На поселении Квацхелеби “В” помимо металла найдены двуручные большие “кратеры” и кружки, аналогичные сосудам из Дзуарикау 2/6 КТК в Северной Осетии [Николаева, 2011, с. 457, 473]. В поселениях Хизанаантгора “В” – Квацхелеби “В” найдены кувшины с геометрическим орнаментом [Кушнарева, Чубинишвили, 1970, рис. 26], зафиксированным на кувшинах в Дзуарикау 7/1 – 3 [Николаева, 2011, с. 457, 458, 482]. Сказанное относится и к Т-образным булавкам, которые встречены только в Имеретии, Юго-Осетии, Северной Осетии и в Кабарде (их сводку см.: [Корневский, 1986, с. 12–24]).

Наряду с закавказскими импортами на Северном Кавказе в погребальном обряде населения позднего этапа куро-аракской культуры на территории Южной Осетии отмечены северокавказского происхождения инновации, выразившиеся в курганном обряде, которые можно рассматривать не просто как результат контактов населения Северного Кавказа и Закавказья, а скорее

как уход части “курганного” населения Северного Кавказа в Закавказье [7] и далее – в Анатолию и Северную Месопотамию.

Первые прямые контакты носителей куро-аракской и кубано-терской культур [Николаева, 2011, с. 41–42] происходили и на Северном Кавказе, о чем свидетельствуют куро-аракские памятники в горных районах Северной Осетии [Ростунов, 1986, с. 24–45, рис. 1, 2; Николаева, 2011, с. 193–195] и в Чечне [Мунчаев, 1994(2), с. 194–195] [8].

Даты Новосвободной и первого этапа кубано-терской культуры, могут быть определены независимым путем по центральноевропейской шкале относительной хронологии [Николаева, 2011, с. 182, 201] и таким образом могут уточнить и дату финального этапа куро-аракской культуры, и дату гробницы в Арслантепе.

Время распространения памятников с листовидными копьями с черновым насадом от Северного Кавказа (гробницы Новосвободной) до Юго-Восточной Анатолии (каменные гробницы XXIII в. до н.э.) и лингво-культурная атрибуция их носителей могут иметь отношение к проблеме генезиса хеттов и путей их миграции в Малую Азию в конце 3-го тыс. до н.э., которая, в свою очередь, зависит от решения проблемы локализации позднеиндоевропейской прародин и определения протохеттских памятников в Юго-Восточной Европе.

Существуют косвенные основания поддержать высказанную в 30-х гг. прошлого века идею, что носители индоевропейского хеттского языка пришли в Малую Азию извне, через Кавказ [Сафронов, 1989, с. 242–258, рис. 62–75]. Гипотеза о продвижении хеттов из Северного Причерноморья через Кавказ связана с фразой в хеттском “Гимне Солнцу”: “Из-за моря ты приходишь в вышину, небесный Солнца Бог” [Иванов, 1977, с. 105], и позволяет предположить изначальное присутствие хеттов в Северо-Западном Причерноморье (в ареале трипольской культуры 4–3-го тыс. до н.э. – Н.Н.). Проживая в этом регионе, протохетты действительно имели возможность наблюдать восход солнца из-за моря.

В пользу хеттской атрибуции “классической” трипольской культуры (период Триполья В) существует много аргументов. В частности, согласно выводам лингвистов, хеттский язык не прошел тех этапов эволюции, какие прошли другие европейские языки индоевропейской семьи. Это говорит о том, что археологический эквивалент хеттского языка должен занимать обособленное положение среди других индоевропейских культур, а его носители покинули Европу до широкомасштабных индоевропейских миграций. Таким эквивалентом является трипольская культура (Триполье В). Трипольская культура и культура Гумельница – индоевропейские культуры, производные культуры Винча, эквивалента праиндоевропейской цивилизации 4-го тыс. до н.э. на Северных Балканах, среднего этапа праиндоевропейской общности [Сафронов, 1989, гл. 6]. Общий генезис и типологическое соответствие комплексов двух культур позволяет считать их эквивалентами протохеттов и лувийцев.

Мы не наблюдаем следов трипольской миграции этапа “Триполье В” (предположительно протохеттов) через Кавказ, а фиксируем только опосредованно, через присутствие носителей новосвободненского археологического комплекса, сформировавшегося на базе поздней трипольской культуры (триполье С) [Николаева, Сафронов, 1974; Николаева 2011]. Вторым компонентом новосвободненского комплекса стали элементы культур севера Центральной Европы (культуры воронковидных кубков, шаровидных амфор и шнуровых керамик), имеющих “древнеевропейскую” [9] лингвистическую атрибуцию [Сафронов, 1989], трансформировавших в 3-м тыс. до н.э. трипольскую культуру и ставших причиной ее исчезновения.

Происхождение культуры гробниц Новосвободной из области позднетрипольской культуры [Николаева, 2011, с. 182–192], датировка ее началом последней четверти 3-го тыс. до н.э. по аналогиям листовидного копья в памятниках Северной Месопотамии аккадского времени с черновым насадом из дольмена No 1 у ст. Новосвободной и доказательства древнеевропейско-хеттской атрибуции новосвободненских памятников [Сафронов, 1989, с. 205–217, рис. 59–60] могут рассматриваться как археологическое свидетельство присутствия протохеттов на Северном Кавказе в период XXIV–XXII вв. до н.э. Дальнейшее их продвижение в Малую Азию, возможно, маркируется мегалитическими гробницами типа “Царской” гробницы в Арслантепе, которые встречены в Сирии вдоль Евфрата (см. выше). По моему убеждению, миграция древнеевропейцев и протохеттов из Юго-Восточной Европы на Кавказ подтверждается заимствованиями из хеттского и “древнеевропейского” в грузинско-занском языке [Климов, 1994, с. 13, 115, 123] и свидетельствует о существовании носителей хеттского языка и древнеевропейцев уже в конце 3-го – начале 2-го тыс. до н.э. на Кавказе [Николаева, 2012, с. 616–617].

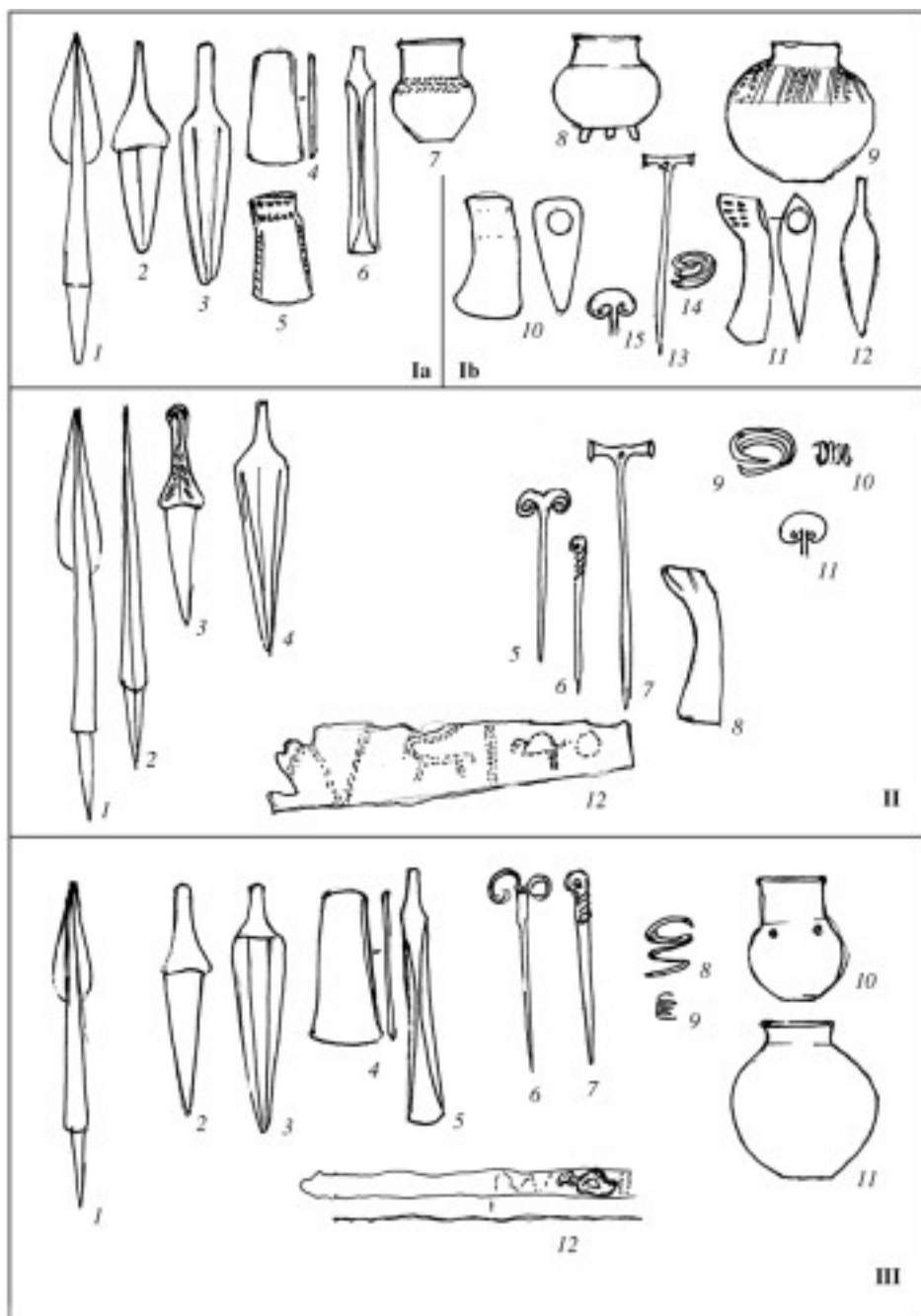

Рис. 1. Сравнение погребального инвентаря раннебронзового века Северного Кавказа, Закавказья и Анатолии Ia – предметы из дольменов Новосвободной [Попова, 1963].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова Е.В. Месопотамия на пути к первым государствам. М.: Восточная литература РАН, 1998.

Бадер О.Н. Балановский могильник. М.: Наука, 1963.

Багаев М.Х. Новый могильник эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986.

Иванов Вяч. Вс. (пер.) Гимны Солнцу // Луна, упавшая с неба. М.: Художественная литература, 1977.

Климов Г.А. Древнейшие индоевропейизмы картвельских языков. М.: Наука, 1994.

Корневский С.Н. Т- и У-образные булавки эпохи средней бронзы Большого Кавказа и Закавказья // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: РИО СОГУ, 1986.

Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.: Наука, 2004.

Кореневский С.Н. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.: Таус, 2008.

Куфтин Б.А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949.

Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л.: Наука, 1970.

Мунчаев Р.М. Куро-аракская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994(1).

Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994(2).

Мунчаев Р.М. Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Телль Хазна 1: раскопки 2001 года // Российская археология. 2002. No 4.

Николаева Н.А. Проблемы классификации, периодизации, хронологии и этнической атрибуции майкопской культуры в археологической литературе // Проблемы хронологии раннебронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 1982.

Николаева Н.А. Проблемы исторической реконструкции в археологии, калиброванные даты и новые решения майкопской проблемы // Вестник Московского гос. обл. университета. Сер. История и политические науки. 2009. No 1.

Николаева Н.А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н.э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: Изд-во Московского гос. обл. ун-та, 2011.

Николаева Н.А. Индоевропейцы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н.э. по данным лингвистики и археологии // Индоевропейское языкознание и классическая филология—XVI. Материалы чтений, посвященных памяти И.М. Тронского. СПб.: Наука, 2012.

Николаева Н.А., Сафронов В.А. Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа // Сообщения Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. М.: Знание, 1974.

Николаева Н.А., Сафронов В.А. Происхождение майкопского искусства // Проблемы хронологии раннебронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 1982.

Попова Т.Б. Дольмены станицы Новосвободной. М.: Советская Россия, 1963.

Ростунов В.Л. Вопросы бытования куро-аракских памятников на Центральном Кавказе и их роли в этнокультурном процессе второй половины III – начала II тыс. до н.э. // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 1986.

Сафронов В.А. Происхождение и хронология майкопской культуры по археологическим и историческим данным // Хронология бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 1982.

Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское изд-во, 1989.

Сафронов В.А., Николаева Н.А. История Древнего Востока в Ветхом завете. М.: Русская панорама, 2003.

Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита–бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. К 100-летию со дня рождения А.А. Иессена. СПб., 1996.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Феномен майкопской общности и ее радиоуглеродная хронология // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.: Таус, 2008.

Conti A.H., Persiani C. When Worlds Collide Cultural Developments on Eastern Anatolia in the Early Bronze Age // Between the

Rivers and over the Mountains. Roma: Gruppo Editoriale Internazionale, 1993.

Frangipane M., Palmieri A. A Protourban Centre of the Late Uruk Period // *Origini*. 1983, XII-2(1).

Frangipane M., Palmieri A. Cultural Developments at Arslantepe at the Beginning of the Third Millennium // *Origini*. 1983, XII-2(2).

Frangipane M., Di Nocera G.M., Hauptmann A., Morbidelli P., Palmieri A., Sadori L., Schmidt-Schultz T., Schultz M. New Symbols of a New Power in a “Royal” Tomb from 3 000 BC Arslantepe, Malatya (Turkey) // *Paléorient*. 2001. Vol. 27, No 2.

Krahe H. *Unsere ältesten Flussnamen*. Wiesbaden, 1964.

Rezepkin A.D. *Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukazien*. Rahden/Westf, 2000.

Trifonov V.A. The Caucasus and the Near East in the Early Bronze Age (IV–III mill. B.C.) // *Oxford Journal of Archaeology*. 1994. No 13(3). *ВОСТОК (ORIENS)* 2013 No 3

[1] “Царская гробница”, датированная са. 3000 г. до н.э., была устроена на западном склоне холма Арслантепе. Она представляла собой прямоугольную яму (4.35×3.45×1.10 м), в которую был поставлен каменный ящик (2.05×1.20×0.6 м), выложенный по дну тремя большими каменными плитами и перекрытый двумя плитами. Внутри каменного ящика находился скелет взрослого человека на правом боку, в скорченном положении и с согнутыми перед лицом руками. Он был покрыт тканью и лежал на деревянных носилках. На покровных плитах каменного ящика лежали скелеты двух подростков с двумя булавками, кольцевидными медно-серебряными подвесками и диадемами из медной ленты. Кроме этого, в могиле находились скелеты двух женщин без всяких украшений. Богатый металлический инвентарь (64 предмета) подчеркивал высокий статус погребенного. Он включал девять медных листовидных копий с насадом, 2 меча, 3 ножа с цельнолитой рукоятью, плоские топоры, шилья, полукруглые долота, пластинчатый пояс, серебряные сдвоенные двуволютные булавки, булавки со скрученной головкой, спиральные подвески, 15 браслетов, золотые и серебряные большие бусины, а также около 100 цилиндрических бус из известняка. В могиле находилось много сосудов. 6 неорнаментированных больших светлоглиняных, плоскодонных, с цилиндрической шейкой и жгутовидным венчиком были сделаны на гончарном круге и принадлежали местной анатолийской традиции, испытавшей влияние Позднего Урука. 3 из них были орнаментированы лощением. С ними были найдены чернолощенные сосуды на красной “подкладке” [Frangipane and al., 2001, p. 110, рис. 15], т.е. сосуды куро-аракской/хирбеткеракской культуры (рис. 1:III).

[2] По замечанию Е.Н. Черных и Л.Б. Орловской, горизонт Арслантепе VIA/VIB должен относиться к гораздо более позднему времени, чем 3000 г. до н.э. [Черных, Орловская, 2008, с. 261].

[3] Данные о северокавказских и закавказских копьях с черенковым насадом, как и обо всем комплексе финала куро-аракской культуры, приведены Р.М. Мунчаевым (см.: [Мунчаев, 1994(1), с. 42, табл. 12]).

[4] Это – листовидные копья с черенковым насадом в дольмене Новосвободной и топор сачхерского типа в погребении Дзуарикау 1/15 [Николаева, 2011, с. 469], коррелирующие между собой, а также со штыковыми копьями, Т-образными булавками с катушечной головкой, с булавками с двуволютным навершием, с кинжалами с цельнолитой рукоятью [Куфтин, 1949, табл. LIX, LX, LXV, LXVIII; Мунчаев, 1994(1), табл. 12] (рис. 1).110

[5] Аналогичные медные проушные топоры найдены в Балановском могильнике [Бадер, 1963, с. 178, рис. 115]. Анализ топоров из Балановского могильника, выполненный Е.Н. Черныхом (приложение в: [Бадер, 1963, с. 368]), указывает на центральноевропейское происхождение металла, зафиксированного и в позднетрипольском металлокомплексе, и в металлокомплексе среднеднепровской культуры, что корректирует дату топоров на Кавказе по центральноевропейской линии хронологизации.

[6] Однако Б.А. Куфтин указывал, что такие топоры известны в Нижнем Подунавье, в фатьяновской культуре и не известны в Малой Азии, в Греции, поэтому он предполагал движение топоров с запада на Кавказ [Куфтин, 1949, с. 71].

[7] Курганы северо-западной группы куро-аракской культуры устраивались вне поселений, на заброшенных участках. Курганы имели диаметр 15–20 м и высоту 1.5–2.0 м. Курганы – каменные с кромлехами. Подкурганые могилы в грунте засыпались булыжником или обкладывались камнями. Захоронения устраивались в каменных ящиках или склепах. Дно обмазывалось глиной; отмечены выкладки дна галькой; могила зачастую перекрывалась плахами. Погребения совершались скорченно на

боку; часто руки помещались перед лицом [Мунчаев, 1994(2)].

[8] Остается открытой культурная атрибуция памятников Северо-Восточного Кавказа (Бамут и Саади Котар) и части погребений центральной части Северного Кавказа (Дзуарикау: [Николаева, 2011, с. 482, рис. 17; с. 485, рис. 20]) с одинаковыми сосудами, трубчато-обушными топорами (Дзуарикау 1/15: [Николаева, 2011, с. 469, рис. 4–1]) и бронзовыми стрелами со штыковым насадом [Мунчаев, 1986, рис. 2, 3, с. 32; Багаев, 1986, с. 70, рис. 3–18]. Очевидно только, что эти памятники контактной зоны отражают синкретизм куро-аракской и кубано-терской традиций.

[9] Термин, введенный Хансом Краэ, обращенный к предкам исторических народов, занимающих с 3-го тыс. до н.э. регионы севера Центральной Европы – кельтов, германцев, италиков, балтов, славян [Krahe, 1964; Николаева, 2011, с. 205, 207, 533].